

Гела Бахтина

12+

НУКЕР АТТИЛЫ

Вторжение

Гела Бахтина

Нукер Аттилы. Вторжение

«Издательские решения»

Бахтина Г.

Нукер Аттилы. Вторжение / Г. Бахтина — «Издательские решения»,

В книге «Нукер Аттилы. Вторжение» рассказывается о нашествии гуннов на Римскую империю. Главный герой этого романа — полководец вождя гуннов — Онегесий, который является его главным стратегом и советником в решающих битвах, изменивших ход истории. Читатель погружается в мир, где царят законы силы и где каждый день может стать последним. Это захватывающая история о мужестве, верности и любви, которая заставит читателя переживать за героев и следить за их судьбой с неослабевающим интересом.

© Бахтина Г.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
Казнь	6
ГЛАВА 2	9
Онегесий	9
ГЛАВА 3	11
Совет	11
ГЛАВА 4	13
Месть	13
ГЛАВА 5	15
Вечный нукер	15
ГЛАВА 6	17
Немая девушка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нукер Аттилы. Вторжение

Гела Бахтина

© Гела Бахтина, 2026

ISBN 978-5-0070-6947-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Казнь

Четыреста сорок первый год по новому летоисчислению неспешно вступал в свои права, и поначалу ничто не предвещало беды. Казалось, время застыло в этой глухой провинции Сингидун, на самом отдалённом краю Византийской империи, будто сама история не желала касаться этих забытых богами земель. Крепость Виниан, притулившаяся у стремительного Дуная, жила привычной, размеренной жизнью — но в этой размеренности таилась напряжённая, едва уловимая дрожь, словно воздух перед грозой.

Амбары зажиточных горожан ломились от изобилия: тяжёлые мешки с зерном, туго перетянутые верёвками; ряды бочек с душистым маслом; корзины с крупами, от которых веяло запахом сухих трав и лета. Всё это было приготовлено для продажи или обмена — на меха, драгоценные камни, оружие, без которых здесь, на границе цивилизованного мира и диких степей, нельзя было прожить и дня. Торговля была не просто ремеслом, а искусством выживания, тонкой игрой, где каждый динар имел вес, а каждое слово могло обернуться враждой.

Вдоль единственной улицы, рассекавшей городок на две половины, словно острый нож — тёплую, ещё дышащую паром краюху пшеничного хлеба, — раскинулись ярмарки и базары. Они гудели, как пчелиный улей, наполняя воздух сотней голосов, сотней наречий, сотней запахов: горячего теста, конского пота, пряностей, железа. Здесь смешивались эпохи и культуры, сталкивались миры.

Среди этой разношёрстной толпы можно было увидеть кого угодно: добродушных кузнецов в заляпанных сажей и кровью фартуках, чьи руки знали тяжесть молота лучше, чем мягкость женской ладони; важных патрициев в лёгких туниках, окружённых рабами-телохранителями, чьи лица были лишены всякого выражения, словно высечены из камня; готов в грубых плащах, с глазами, привыкшими к дальним переходам; кочевников-гуннов, которые, несмотря на весеннее пекло, не снимали своих кожаных доспехов и толстых длинных шаровар — будто сама жара была для них не более чем лёгким дуновением ветра.

Мимо этой бурлящей толпы, чеканя шаг, проходили римские legionеры в лёгких медных доспехах. Их движения были отточены до автоматизма, лица — непроницаемы. Они охраняли закон и порядок в этом богом забытом уголке империи, и порядок здесь был особенно нужен. То тут, то там вспыхивали мелкие стычки — как искры, готовые разгореться в пламя. Чаще всего они возникали между продавцами-христианами, для которых честность была не просто добродетелью, а частью веры, и недовольными, «обманутыми» покупателями из числа язычников-иноземцев, для которых торговля была войной, где каждый старался взять своё. И каждый раз эти искры тут же гасились тяжёлой рукой римской когорты.

Вот и сейчас, у одного из прилавков, где торговец из Сингидуна раскладывал кукурузные лепёшки, румяные по краям и мягкие внутри, разгорался новый конфликт. Воздух здесь, казалось, стал гуще, пропитанный гневом и недоверием.

— Вор! Он украл у меня лепёшку! — громко кричал разгневанный римлянин, пытаясь схватить за руку низкорослого кочевника. Его лицо побагровело, жилы на шее вздулись, а в глазах плескалась ярость, смешанная с унижением.

Гунн в ответ лишь мычал что-то неразборчивое, поднимая вверх руки в жесте, который мог означать и покорность, и отчаяние. Его спутник, более рослый и жилистый, с лицом, изрезанным шрамами, словно карта далёких земель, даже вытащил из ножен меч. Холодное лезвие сверкнуло на солнце, отражая блики, похожие на вспышки молний. Он угрожающе направил оружие на торговца, и в этот миг время будто замерло.

Но не успели клинки заговорить, как подоспел отряд легионеров. Их шаги звучали как приговор — чёткие, тяжёлые, неумолимые. Воины быстро обезоружили язычников: один резкий рывок — и меч полетел на землю, звякнув о камни; ещё мгновение — и руки гуннов были связаны за спиной грубой верёвкой, врезавшейся в кожу. Легионеры не разбирались в причинах скандала — им не полагалось разбираться. Их дело было исполнять, а не судить.

Арестованных поволокли к градоначальнику. Им был старый центурион по имени Оквиллий — человек, которого когда-то отослали из Константинополя на границу государства за взятки. Теперь он правил здесь с той особой жестокостью, которая рождается из чувства собственной ненужности и затаённой обиды. Оквиллий слепо верил в своё превосходство над «варварами», и эта вера была для него опорой, единственной нитью, связывавшей его с величием империи.

Следом за воинами и пленниками бежал обиженный торговец, на ходу размахивая руками и выкрикивая что-то о справедливости и честной торговле. Его голос терялся в общем гуле, но он не сдавался — для него это была не просто пропавшая лепёшка, а вопрос чести.

Во дворе резиденции военачальника легионеры поставили гуннов на колени. Те, несмотря на крики и сопротивление, были вынуждены склонить головы перед чужой властью. Воины замерли в ожидании приговора, их лица оставались бесстрастными, словно они уже видели сотни таких сцен и знали, что дальше последует привычный ритуал.

Оквиллий удобно расположился в кресле на возвышении, в тени, откуда ему открывался вид на весь двор, словно на сцену, где разыгрывалась драма по его воле. Его губы, высохшие с похмелья, едва шевелились, когда он позвал толмача — переводчика, единственного человека, способного перекинуть хрупкий мостик между двумя мирами.

— Вы украли у торговца лепёшки? — медленно проговорил центурион, и каждое его слово падало, как тяжёлый камень в тихую воду.

Толмач перевёл вопрос, и гунны, услышав его, переглянулись. В их взглядах читались не только страх, но и горькое понимание того, что здесь, в этом городе, их слова вряд ли будут услышаны. Наконец, один из них, тот, что был повыше и держался увереннее, ответил:

— Мы не крали лепёшки. Мы отдали торговцу деньги за мягкий, свежеиспечённый хлеб, а вместо него он подсунул нам сухие и плесневые лепёшки. Они были несъедобны, как старые тряпки.

Центурион перевёл взгляд на продавца, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на скуку — ему не хотелось разбираться в мелочах.

— Это правда? — поинтересовался он у торговца.

Тот, не задумываясь, выпалил:

— Они лгут! Я продаю только свежие лепёшки — такие, что тают во рту. А вот они обманули меня, отдав мне вместо трёх динар всего лишь два. Клянусь всеми святыми, это чистая правда!

Оквиллий снова посмотрел на кочевников, и в этот момент в нём вдруг проснулась дикая, почти звериная ярость. Она накатила волной, смывая остатки рассудка. Эти гунны, эти незваные гости, появившиеся неведь откуда в его краях, олицетворяли для него всё то, что он ненавидел: чужеродность, угрозу привычному порядку, напоминание о том, что империя слабеет.

— Так, так! Значит, ты десятник Аттилы и думаешь, что тебе всё позволено? — процедил он, обращаясь к тому гунну, который говорил от имени обоих.

Тот выпрямился, насколько позволяли связанные руки, и произнёс с достоинством, в котором слышалась не бравада, а холодная уверенность:

— Я десятник великого хана Аттилы. Вы знаете, что мы честно торгуем с вашими людьми и не желаем конфликта с римлянами. Но мы не позволим обращаться с нами, как с рабами.

Ехидная улыбка искривила губы Оквиллия.

— Я верю римлянам, но не язычникам, — пробормотал он и, словно играя с судьбой, добавил: — Отрубите им руки за воровство.

Толмач перевёл приговор, и гунны, услышав его, повысили голос, выкрикивая что-то знатному ромею. Центурион посмотрел в сторону переводчика, который промолвил:

— Они говорят, что Аттила покарает вас за бесправие!

— Я подчиняюсь Феодосию, а не варвару.

Важно произнёс военачальник в ответ и пренебрежительно дополнил:

— Я передумал своё решение. Отрубите им головы!

Воины римской империи, привыкшие безотлагательно исполнять приказы, одним взмахом меча, здесь же, во дворе своего военачальника, провели казнь, даже не догадываясь, о тех последствиях, кои повлекло это безрассудное решение.

ГЛАВА 2

Онегесий

Высокий ковыль, словно раб перед своим господином, низко склонил голову от порывистого ветра, гуляющего на просторах степной равнины. Ветер нёс с собой терпкий запах полыни и сухой травы, смешанный с едва уловимой сыростью, поднимавшейся от реки. Равнина раскинулась от порогов Днестра, впадающего в бескрайнее море, названное ещё скифами Гирканским, до спокойных вод широкого Дуная. Безграничные просторы Понтийской степи, разрезанные высокими холмами и балками, поросшими невысоким кустарником, вплоть до равнин Паннонии, всегда манили к себе вольных кочевников с многочисленными табунами лошадей, баранов и крутых нравов быков, соперничавших силой даже с зубрами, водившимися в избытке на этой богатой кормом, плодоносной земле.

Дунай, изгибами рассекавший Балканы, в этом месте производил впечатление покорной девицы, заснувшей в тягостных раздумьях. Его воды, потемневшие к вечеру, тихо шелестели, огибая прибрежные камни, и отражали в себе угасающий свет дня. Красота широкой, полноводной реки будоражила воображение и заставляла человека задуматься о своей жизни, остановиться хотя бы на время, чтобы услышать, как замирает мир в преддверии ночи. Именно на этих великолепных, чарующих своей необыкновенной красотой землях и обосновал свой лагерь Аттила — великий вождь всех гуннов.

Вот и сейчас, глядя на красный закат, садившийся за Дунай, отряд всадников молча и настороженно вглядывался вдаль. Степь будто затаила дыхание: даже птицы перестали кричать, и только изредка слышался тихий хруст сухой ветки под копытом или сдержанное фырканье лошади, чувшей напряжение людей.

Один из всадников, сидевший на рыжей кобыле, явно выделялся из своих сородичей могучим телосложением и непокрытой головой, выходившей, казалось, прямо из широких плеч, на которые падали длинные, с проседью, волосы. Спутанные ветром пряди отливали медью в последних лучах солнца. Спрятанные под высокий лоб маленькие глазки хитро сощурились, обнажая пронизательный ум этого человека. Горбатый нос, под коим росли густые усы, сразу говорил о суровом характере своего хозяина. Мясистые губы и волевой подбородок, где нашла себе место редкая борода, выказывали его варварское происхождение. Но даже неопытный взгляд обывателя смог бы сразу определить в этом воине гордую осанку человека, обладающего неограниченной властью. Она явно показывала его высокое положение в обществе. И он бы не ошибся. Потому что это был советник Великого хана гуннов, его первый и главный военачальник — Онегесий.

Ныне ему предназначалась ответственная и тайная миссия: проверить готовность огромной армии хана к великому походу на Византийскую империю. Посланные в Константинополь гонцы с предложением выдать гуннам перебежчиков и творивших беззаконие по отношению к гуннским купцам легионеров возвратились с пренебрежительным отказом императора Феодосия II. Мало того, Римская империя решилась на отчаянный шаг, взяв их под своё покровительство. Это решение переполнило чашу терпения вождя всех гуннов — Аттилы, который решил выступить против Византии, вторгнуться в её земли и покарать тех, кто посмел бросить вызов его власти.

— Скажи, Эллак! Тебе нравится этот закат? — не поворачивая головы, обратился Онегесий с вопросом к сидевшему позади молодому всаднику в медной римской кольчуге.

Кольчуга, когда-то блестящая, теперь потускнела от пыли дорог и копоти костров, а местами покрылась мелкими царапинами. На голове юноши был шарообразный шлем с кон-

ским хвостом на её пике — знак принадлежности к отборной дружине. Он покрутил головой и тонкими губами, просипел, будто голос ещё не до конца окреп после долгих переходов:

— Ничего необычного! Закат как закат. Таких мы наблюдали великое множество.

Онегесий усмехнулся, услышав ответ воина, и тихо вымолвил вновь, в его голосе слышалась не насмешка, а терпеливая мудрость человека, видевшего десятки войн и сотни закатов:

— Не скажи! Этот заход солнца необычный. Посмотри, как он окрасился кровью. Это кровь римлян, которые заплатят ею за наших людей, безвинно казнённых вон в той...

Он указал рукой на чуть видневшиеся за Дунаем купола церквей, выглядывавшие из-за деревьев, окаймлявших пологий западный берег Дуная. Купола, едва различимые в сумерках, казались тёмными силуэтами, чуждыми этой дикой, свободной степи.

— ...маленькой крепости, давшей начало Великой войне, — закончил он, и в его словах прозвучала не просто угроза, а холодная уверенность в неотвратимости грядущего.

Военачальник сделал паузу, давая словам осесть в сознании спутников, и продолжил уже тише, но с той же твёрдостью:

— Тебе, Эллак, нужно тренировать воображение. Ты сын Аттилы, великого хана гуннов. Его наследник. Чтобы держать в повиновении огромную армию соплеменников, вассалов и покорённых нами народов, необходимо смотреть на всё объёмно, видеть не только то, что лежит перед глазами, но и то, что скрыто за горизонтом.

Молодой всадник, понимая, взглянул вдаль, туда, где небо уже начинало темнеть, а последние отблески заката окрашивали облака в багровые тона. В его глазах мелькнуло что-то новое — не просто уважение, а желание понять, постичь эту сложную науку власти и войны, которой владел его наставник.

— Но у отца есть ещё и брат. Бледо не даст мне стать вождём всех гуннов, — произнёс он, и в этом признании слышалась не слабость, а искренний страх перед будущим, перед борьбой, которая могла развернуться не только с внешними врагами, но и внутри собственного рода.

— Всё переменчиво, мой друг! Видишь, вон там, на севере, в небе показались маленькие тучки. Видимо, ночью пойдёт дождь.

Эллак повернул голову на север и, присмотревшись, увидел маленькие серые пятнышки в синем, безоблачном ещё недавно небе. Они медленно ползли по небосводу, словно предвещая перемену погоды, а может, и судьбы. Улыбнувшись в редкие усики, выглядывавшие под прямым, волевым носом, он подумал: «Как же он хитёр. От его внимания ничего не ускользает. Он умеет говорить о важном так, будто речь идёт о самых обычных вещах».

А вслух, уважительно промолвил:

— Спасибо, учитель, за наставления. Я постараюсь смотреть на всё по-иному!

Онегесий довольно шмыгнул носом, и в этом простом движении чувствовалась удовлетворённость: он видел, что семя мысли упало на благодатную почву. Развернув коня, он пронытательно оглядел своих воинов. В их взглядах читалась готовность, смешанная с ожиданием — каждый знал, что этот вечер особенный, что завтрашний день может стать началом чего-то великого или разрушительного.

После чего толкнул короткими ногами в бока рыжую кобылу, громко, при этом, проговорив спутникам:

— Возвращаемся в стан! Всё готово к началу великого похода!

Лошади, будто только и ждавшие команды, дружно повернули головы в сторону лагеря, где уже загорались первые костры, разгоняя наступающие сумерки. Тени удлинились, сливаясь с темнотой, и степь, только что казавшаяся безмолвной и спокойной, теперь словно гудела от скрытого напряжения, от предчувствия надвигающейся бури.

ГЛАВА 3

Совет

В шатре у великого хана было тесно и душно — тяжёлые войлочные стены не пропускали вечерний воздух, а жар от множества тел и масляных светильников делал дыхание тягучим, словно в кузнице перед горном. Пространство казалось сжатым от набившихся в него военачальников: здесь, кроме коренастых, приземистых гуннов с резкими, будто высеченными из камня чертами лиц, резко выделялись своим высоким ростом остготы во главе со своим вождём Валамером — его плечи едва не задевали узорчатые подвески шатра. Рядом стояли аланы и славяне, чьи лица хранили привычную степную неподвижность, будто они уже видели всё, что может случиться в грядущей войне.

Широкоплечие сарматы, похожие на богатырей из древних сказаний, томились в ожидании начала совета у низкого резного стола с яствами. Их руки, привыкшие к тяжёлым мечам и копьям, невольно сжимались и разжимались, выдавая нетерпение. Булгары и гепиды, бывшие вассалами у Аттилы, держались скромнее: вместе со своим королём Ардарихом они тихо теснились в углах алачуча, переговариваясь вполголоса, чтобы не привлекать лишнего внимания. В их взглядах читалось осторожное напряжение — они знали цену гневу великого хана.

Повсюду мелькали полуголые рабы, разносившие на серебряных подносах различные закуски и заморские вина в инкрустированных кубках. Их движения были выверенными, почти бесшумными: каждый понимал, что малейшая оплошность может стоить жизни. Они старались угодить гостям хозяина помещения, но в их глазах сквозила усталость — день выдался долгим, а впереди ждала ещё долгая ночь.

Среди этой разношёрстной толпы не было видно лишь одного — того, кто и пригласил собравшихся здесь людей на главный военный совет армии. Напряжение в шатре росло, разговоры становились тише, а взгляды всё чаще устремлялись к пологу, за которым скрывалась степь, уже окрашенная закатными красками. Наконец, слуги раздвинули полог душного шатра, и в него важно прошествовал Аттила.

Его появление было словно удар грома в тихий вечер: все разговоры мгновенно стихли, и в шатре повисла тяжёлая тишина. Аттила остановился на пороге, оценивая всех присутствующих пронизательным взглядом. Его глаза, тёмные и холодные, словно два осколка обсидиана, скользили по лицам военачальников, запоминая каждое движение, каждый взгляд. Он не спешил говорить — пусть страх или уважение сделают своё дело. Наконец, он громко позвал: — Онегесий!

На это имя из толпы вынырнул его советник. Вежливо склонив перед вождём голову, он вполголоса вымолвил:

— Я здесь, мой вождь!

— Приступим к делу. Время не терпит, — гулко повторил Аттила, и рабы, как по команде, тут же исчезли из виду, забрав с собой резной стол вместе с закуской и винами. От этого в шатре стало намного свободнее, но тишина сделалась ещё тяжелее, будто сама степь затаила дыхание.

Солнце уже близилось к закату, бросая косые лучи сквозь прорези в войлоке, и эти лучи ложились на лица военачальников неровными полосами, делая их похожими на маски. Спор между сторонниками похода гуннов на Константинополь и теми, кто хотел напасть сразу на Рим, продолжался с прежней силой. Голоса звучали всё громче, жесты становились резче, а в воздухе витал запах пота, кожи и железа — запах войны, который невозможно спутать ни с чем.

Аттила и Онегесий лишь молча наблюдали за спором со стороны, изредка осаждая слишком горячие головы короткими, но меткими вопросами:

— А как ты собираешься снабжать армию провиантом, если степи останутся выжженными? — спрашивал Аттила, глядя прямо в глаза спорщику.

— А если войско до зимы не возьмёт город, что станет с воинами в поле, когда ударят морозы? — добавлял Онегесий, и его спокойный голос звучал страшнее любого крика.

Иногда вождь гуннов позволял себе и очень резкие высказывания в сторону союзников. Так было и с королём гепидов Ардарихом, который в пылу спора заявил, что его воины не полезут на крепостные стены, если им первым не отдадут город на разграбление.

— Здесь только я решаю, оставить город невредимым или стереть его с лица земли, — холодно произнёс Аттила, не повышая голоса, но каждое слово звучало как приговор.

Гепид нервно взглянул в неподвижные глаза Аттилы и тут же, отведя в сторону взгляд, в знак уважения склонил перед ним голову. Он с трудом сдержал гнев, но знал, что сейчас не время для противостояния. Снисходительно процедив сквозь зубы:

— Как будет угодно Великому хану!

Вождь гуннов едва заметно кивнул в ответ, словно ничего и не произошло, и спокойно вымолвил:

— Продолжайте, друзья! Всё это очень интересно!

Но, выслушав всех, кто имел своё мнение и индивидуальное представление о предстоящем походе — о методах взятия крепостей, подвозе провианта к войскам, о том, как лучше использовать конницу и где расставить лучников, — Аттила вновь обратился к Онегесию, предложив военачальнику внести теперь своё предложение по этому поводу.

Онегесий шагнул вперёд, и в шатре снова стало тихо. Он не торопился говорить, давая словам набрать вес. Наконец, объединив всё самое ценное, выстраданное в спорах и доказанное в былых сражениях, он сделал общий вывод, который прозвучал как приговор и одновременно как обещание победы:

— Армия пойдёт походом на Византийскую империю. Римские легионы в основном сосредоточены в Сицилии и в Малой Азии на борьбу с персами. Феодосию Второму придётся рассчитывать лишь на свои силы и помощь своего бога, который учит их лишь подставлять под удары щёки.

Шатёр великого хана, услышав из уст воеводы острое замечание на тему религии, взорвался весёлым смехом. Грубый, раскатистый хохот прокатился по пространству, немного остудив накалившуюся атмосферу. Даже самые суровые военачальники позволили себе улыбнуться, и напряжение, копившееся весь день, наконец, начало спадать.

Предложение Онегесия было принято советом единогласно. В этот момент все почувствовали: решение принято, и теперь ничто не сможет его изменить. Степь ждала их, и её шёпот уже сливался с грохотом грядущей войны.

ГЛАВА 4

Мечь

Ранним утром на исходе весны четырёхста сорок первого года, когда первые лучи солнца лишь робко коснулись зубчатых стен крепости Виниан, многотысячная армия гуннов, переправившись в узком месте через Дунай, всей своей мощью обрушилась на земли Византийской империи. Шум переправы — плеск воды, ржание коней, лязг оружия и гортанные выкрики — слился в единый грозный гул, который донёсся до крепости ещё до рассвета, но жители, убаюканные привычным покоем приграничья, не придали ему значения. А когда первые всадники, словно чёрные стрелы, вонзились в предрассветную дымку и ворвались в город, было уже поздно: многие даже не успели взяться за оружие, прежде чем в их дома ворвались эти стремительные тени, убивая всех на своём пути.

Центурион Оквиллий, как и многие другие граждане, ещё нежилась в своей постели, убаюканный тишиной, которая теперь казалась ему насмешкой судьбы. Сквозь полудрему он слышал какие-то далёкие крики, но они казались ему частью дурного сна — до тех пор, пока шум потасовки не возник прямо во дворе его дома. Резкий треск ломаемых ворот, топот множества ног, хриплые возгласы и короткий, отчаянный крик раба, который дежурил у входа, — всё это заставило Оквиллия вскочить на ноги в одно мгновение. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове билась только одна мысль: «Не может быть, не сейчас...»

Он стал торопливо натягивать на себя лёгкую тунику, пальцы дрожали и не слушались, застёжки путались. В углу комнаты тускло поблёскивал его меч, лежавший на лавке рядом с нагрудными пластинами доспеха, до которых он так и не успел дотянуться. И в тот миг, когда он, наконец, накинул тунику и рванулся к оружию, дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвались трое всадников, чьи лица были скрыты под кожаными масками, а глаза горели холодным, безжалостным огнём.

Они схватили его, не дав даже крикнуть, — крепкие руки в железных браслетах сомкнулись на его плечах, грубая верёвка обожгла запястья, стянув их за спиной. Оквиллий попытался вырваться, но один из гуннов лишь коротко и зло усмехнулся, обнажив потемневшие от времени зубы, и толкнул центуриона к выходу. В этот момент он понял: его узнали. За голову центуриона была назначена хорошая награда — и эти воины не собирались её упускать.

По приказу Онегесия его доставили к военачальнику живым. Тот уже был далеко за пределами крепости — там, где степь, ещё влажная от утренней росы, расстилалась до самого горизонта, словно бескрайнее море, готовое поглотить остатки бывшего порядка. Онегесий сидел в седле на своей рыжей кобыле, и даже в этом движении, в том, как он слегка покачивался в такт шагу лошади, чувствовалась уверенность человека, привыкшего повелевать. Рядом с ним десяти тысячник рассказывал какую-то весёлую историю, сопровождая её резкими жестами и раскатистым смехом, отчего Онегесий время от времени кивал и едва заметно улыбался.

Но когда к нему подвели пленного командира легионеров, эта лёгкая улыбка мгновенно растаяла, будто её и не было. Он пренебрежительно осмотрел Оквиллия с головы до ног — от спутанных волос до босых, покрытых пылью ступней, — и сухо произнёс:

— Так это ты, веришь только римлянам?

Оквиллий дико оглядывался по сторонам, в страхе пытаясь осознать, что происходит вокруг. Степь, казавшаяся раньше лишь фоном для его жизни, теперь стала ареной его гибели. Он не понимал слов, но чувствовал их тяжесть, как чувствует путник надвигающуюся бурю по свинцовому небу. И за него пришлось ответить гунну, пленившему Оквиллия:

— Это он, мой господин! — подтвердил всадник, держа в руках конец верёвки, которой был связан пленник. Его голос звучал гордо, как голос охотника, принёсшего добычу.

— Жаль, что среди нас нет римлян! — с сожалением в голосе вымолвил Онегесий, и тут десятитысячник закатился весёлым смехом, который прозвучал в тишине степи особенно жутко.

А советник великого хана продолжил, и теперь в его голосе не было и следа прежней лёгкости:

— Ты казнил моих славных воинов, побудив тем самым гуннов прибегнуть к войне. Возможно, она началась бы и без тебя, но звёзды сложились именно так, что ты оказался виновником нашего похода.

Он сделал паузу, давая словам осесть, словно тяжёлой пыли после удара кнута, и взглянул на гунна, державшего верёвку:

— Как он казнил моих воинов?

— Отрубил им головы, — коротко ответил тот, и военачальник, сменив на лице улыбку на внезапный гнев, раздражённо проговорил, будто каждое слово обжигало ему язык:

— Ты, ничтожный шакал, дорожная пыль на епанче всадника, как ты посмел казнить воинов великого хана?

Не понимая, о чём говорит иноземец, но чувствуя всеми фибрами своего тела неминуемую беду, нависшую над ним, как дамоклов меч, центурион от страха задрожал всем телом. Холодный пот стекал по его спине, а в груди не оставалось воздуха. Он выкрикнул варвару, вкладывая в эти слова всю свою отчаянную надежду:

— Не убивай меня! Я не сделал вам ничего плохого!

Но его уже не слышали. Слова Оквиллия растворились в степном ветре, не достигнув ушей Онегесия. Военачальник смотрел сквозь него, словно центурион уже перестал быть человеком и превратился в тень, недостойную внимания. Обращаясь к гунну с верёвкой, Онегесий вымолвил спокойно, почти буднично, отчего его слова звучали ещё страшнее:

— Возьми у моего казначея двадцать динаров. А этого привяжи к лошадям и разорви! Я великодушный, но мстительный человек!

— Слушаюсь, мой господин! — склонив голову в поклоне, вымолвил всадник, разворачивая коня. Его движения были точны и лишены суеты, потому как делал это не в первый раз.

Оквиллий закричал снова, но крик застрял у него в горле, превратившись в хриплый стон. Он рванулся вперёд, пытаясь вырваться из хватки, но верёвка только сильнее врезалась в запястья, а грубые руки снова толкнули его назад. Перед глазами мелькали лица — чужие, равнодушные, исполненные жестокой решимости. Степной ветер, который ещё недавно казался ему просто ветром, теперь нёс запах гари и крови, запах конца.

И в этот миг, когда его уже поволокли к лошадям, в сознании Оквиллия промелькнула странная, почти нелепая мысль: он так и не успел попрощаться с домом.

ГЛАВА 5

Вечный нукер

Спустя три дня гунны подошли к Сингидуну. Город, будто вжавшийся в землю под тяжестью собственной судьбы, казался на фоне бескрайней степи крошечным, но упрямым островком сопротивления. Его жители, стиснув зубы, готовились к длительной осаде: по стенам расставляли котлы со смолой, на зубцах укрепляли тяжёлые камни, в узких улочках складывали баррикады из обломков повозок и старых дверей. Женщины носили воду из колодцев, дети сновали между взрослыми, стараясь быть полезными, и в воздухе витал густой, тревожный запах гари — где-то уже жгли просмолённые верёвки, чтобы в темноте легче было различать силуэты врагов.

Но Аттила не хотел долгой осады. Он рассчитывал на стремительный захват города — на тот самый удар, что обрушивается прежде, чем противник успевает осознать его силу. Именно поэтому он вызвал к себе своего лучшего военачальника.

Онегесий прискакал к шатру вождя, когда ночь уже окончательно вступила в свои права. Степь, днём беспощадная и открытая, теперь казалась живой и опасной: ветер выл, словно стая голодных волков, а тени от редких кустов вытягивались и корчились, будто пытались дотянуться до всадника. Когда Онегесий спешился, его усталая лошадь шумно выдохнула, и этот звук прозвучал в тишине почти как вздох облегчения.

Аттила сидел один у алачуча — низкого походного очага, сложенного из камней. Рядом не было ни стражи, ни советников — только тьма, огонь и сам великий хан. Он подбрасывал в пламя сухие ветки, и каждая из них вспыхивала коротким, ярким светом, выхватывая из темноты резкие черты его лица: скулы, будто высеченные из камня, усталые, но цепкие глаза, редкую бороду, в которой уже серебрились нити седины.

Ничего не говоря, Онегесий подошёл к хану и сел рядом, привычно поджав под себя короткие ноги. Его движения были скупыми, отработанными годами кочевой жизни: ни лишней суеты, ни показной почтительности. Он знал цену каждому жесту, как знал цену каждой минуте перед битвой.

— Помнишь, как мы вот так же сидели с тобой у костра и мечтали о великих походах? — первым нарушил молчание Аттила. Его голос звучал негромко, почти по-домашнему, и от этого казался ещё более тяжёлым, словно каждое слово несло в себе груз прожитых лет.

— Да, мой хан, — отозвался полководец, тоже подбросив ветку в огонь. Пламя взметнулось, рассыпав сноп искр, и на мгновение осветило его лицо: глубокие морщины у глаз, шрам, пересекавший бровь, седину, густо посеребrivшую волосы.

— Почему ты называешь меня ханом? — не поворачивая головы, вновь спросил вождь. — Я ведь отношусь к тебе как к другу и соратнику.

Онегесий чуть склонил голову, будто взвешивая слова.

— Я твой вечный нукер, — проговорил он спокойно, но твёрдо, и в этой твёрдости не было ни лести, ни пафоса — только признание собственного пути. — Друг может предать. Соратник — отвернуться. Брат может забыть о родстве, если кровь остынет. А нукер... нукер остаётся. В этом его жизнь. В этом его вера. Ты мой бог, мой Тенгри-хан.

Аттила повернул голову к военачальнику. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на грусть, но тут же скрылось за привычной маской суровости. Он вложил в следующие слова все те благородные чувства, которые редко позволял себе проявлять вслух:

— Живи долго, Онегесий.

Полководец лишь кивнул поседевшей головой. Не было нужды в благодарностях или клятвах: их связь измерялась не словами, а годами битв, ночей у костров и решений, от которых зависели судьбы тысяч людей.

Некоторое время они снова молчали. Огонь потрескивал, выплевывая искры в чёрное небо, а степной ветер, словно подслушивая их разговор, то затихал, то снова набирал силу, гудя над равниной, как далёкий, недовольный голос богов.

Наконец великий хан задал новый вопрос — на этот раз личного характера, и в самом его звучании чувствовалась неловкость человека, который привык командовать армиями, но редко касается чужих ран:

— Скажи, почему ты снова не женишься? Сайду не вернёшь. Она была доброй женщиной, но её нет. А жизнь продолжается. Хочешь, я найду тебе красивую наложницу? У меня есть люди, которые знают, где искать тех, кто умеет не только радовать глаз, но и хранить тишину в шатре.

Онегесий усмехнулся — коротко, без веселья.

— Рабыня никогда не станет верной женой, — промолвил он, глядя прямо в огонь, будто видел в нём не просто пламя, а отголоски прошлого. — В глубине души она вечно будет чувствовать превосходство хозяина — или, напротив, ненависть к нему. Это тень, которая ложится на каждый день. Тенгри-хан забрал у меня жену для того, чтобы избавить меня от семейных обязательств. Я принял это как знак: моя дорога теперь другая. Я посвятил оставшуюся жизнь долгу воина, а его участь одна — умереть или победить.

Он чуть помолчал, а потом добавил, уже тише, почти про себя:

— И я знаю, зачем ты меня позвал к себе.

С этими словами Онегесий встал. Его движения были резкими, собранными — словно он уже слышал далёкий рёв боевых труб и топот копыт, который вот-вот накроет степь.

— Завтра, к полудню, Сингидун падёт к твоим ногам!

Аттила усмехнулся в свою редкую бороду. В его глазах мелькнул огонёк — то ли гордости за верного полководца, то ли иронии над самой мыслью, что кто-то способен читать его намерения так легко.

— Если ты знаешь всё, о чём я думаю, ты опаснее врага! — сыронизировал он, вопросительно взглянув на военачальника снизу вверх.

— Нет, мой хан! — спокойно, но твёрдо успокоил его полководец. — Я знаю лишь то, что мне нужно знать. Остальное — твой путь, и я не пытаюсь его примерить на себя.

С этими словами он запрыгнул на лошадь — одним движением, без суеты, как делают те, кто провёл в седле большую часть жизни. Ударил коня в бока, и тот рванулся вперёд, поднимая клубы пыли, которые на мгновение заслонили силуэт всадника. Ветер подхватил эту пыль и понёс её над степью, стирая след, будто сама природа хотела сохранить тайну того, что говорилось у костра.

А Аттила остался сидеть у огня. Он смотрел, как искры уносятся в небо, и думал о том, что рядом с ним есть человек, чья верность не требует доказательств, чья преданность измеряется не годами, а каждым мгновением, проведённым в бою. И в эту ночь, перед штурмом, это знание было для него дороже золота и трофеев.

ГЛАВА 6

Немая девушка

Всю последующую ночь армия гуннов готовилась к штурму Сингидуна. Вокруг крепости пылали огромные костры, отбрасывая на древние стены причудливые, пляшущие тени, будто сама тьма оживала и тянулась к городу когтистыми лапами. Пламя жадно пожирало сухие ветки и смолистые поленья, треща и вздымая к небу снопы искр, которые, кружась, исчезали в густой черноте неба. В лагере гуннов не стихал гул: воины точили клинки, проверяли тетивы луков, подгоняли упряжи осадных машин. Тяжёлые стенобитные орудия с глухим скрипом перекачивали на позиции, а длинные штурмовые лестницы, словно костяные хребты чудовищ, выстраивали рядами, готовя к броску.

Римский полководец, возглавлявший оборону города, с тревогой наблюдал с крепостных стен за действиями неприятеля. Он стоял на выступе башни, кутаясь в потрёпанный плащ, и вглядывался в мерцающие огни вражеского лагеря. Его пальцы непроизвольно сжимали рукоять меча, а в груди теснилось тягостное предчувствие. Он ждал подкрепления от Феодосия II — ждал с той упрямой надеждой, которая держится до последнего вздоха. Но его не последовало ни в эту ночь, ни на следующее утро, когда вокруг города выросла огромная армия с длинными лестницами наперевес и тяжёлыми стенобитными машинами.

Позади осадных отрядов стояли лучники — плотные ряды воинов, слившиеся в единую тёмную массу. По сигналу они разом подняли луки, и небо потемнело от туч стрел, затмивших первые робкие лучи рассвета. Стрелы сыпались на защитников крепости, словно тучи каплями дождя в сырой, ненастный день, — беспощадно, густо, неотвратимо. Защитники падали один за другим, и каждый их крик тонул в общем рёве битвы.

Как и предсказывал Онегесий, сражение продолжалось до полудня. Солнце поднялось высоко, раскаляя воздух и превращая поле боя в пекло, где смешивались запах гари, крови и пыли. Древние стены Сингидуна, выдержавшие не одну осаду, теперь дрожали под ударами стенобитных машин. Каждый тяжёлый удар отзывался глухим стоном камня, будто сама крепость молила о пощаде.

Вначале треснула и рухнула восточная сторона крепости. Каменные глыбы с грохотом обрушились, взметнув облака пыли, сквозь которые, словно призраки, проступали силуэты всадников. В образовавшийся проём лавиной устремились разгневанные сопротивлением горожан гунны и герулы. Их крики сливались в единый яростный вой, а клинки сверкали в солнечных лучах, обещая смерть каждому, кто встанет на пути.

Через час пала и западная часть стены. Через пролом в город поползли, будто тараканы, гепиды, сарматы и готы — разноплеменное войско, объединённое жаждой добычи и крови. Город в один миг охватили пожары: пламя взмывало вверх, пожирая деревянные крыши домов, и дым стелился по улицам, застилая всё вокруг серой пеленой.

Крики, визг и безутешные мольбы несчастных жителей слышались далеко за пределами городских стен, превратившихся в одночасье в развалины. Эти звуки были страшнее любого оружия — они терзали душу, напоминая о цене войны. К трём часам дня сопротивление оказывала лишь малая когорта римских легионеров, укрывшихся в центральном соборе города во главе с римским центурионом Секстилиусом. Толстые стены храма ещё хранили их от стрел и мечей, но время работало против них. Остальная часть города была предана разграблению: из домов тащили всё, что имело хоть какую-то ценность, а улицы заполнились криками, смехом победителей и стонами побеждённых.

Онегесий, объезжая крепость в окружении своей охраны, равнодушно наблюдал за происходящей вокруг вакханалией. Его лицо оставалось неподвижным, словно высеченным из камня, и лишь изредка в глазах мелькало что-то похожее на усталость. Остановившись у собора, он приподнял бровь и поинтересовался у тысячника из союзного войска гепидов:

— Почему сопротивление ещё не сломлено?

Тот, поклонившись в ответ, проговорил с едва заметной дрожью в голосе:

— Стены в здании слишком толстые. Машинами их не взять. Да и легионеры внутри — крепкие бойцы. Они будут драться до последнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.